

К.К. ПАВЛОВА – ПЕРЕВОДЧИК СТИХОТВОРЕНИЯ А.А. ФЕТА
«Я ВДАЛЬ ИДУ МОЕЙ ДОРОГОЙ...»¹

Д.Н. Жаткин, О.В. Родикова

В статье осуществлен сопоставительный анализ стихотворения А.А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...» и его первого перевода на немецкий язык, выполненного в 1845 г. К.К. Павловой. Отмечается, что в немецком переводе сохранена образная система подлинника, представлены значимые для А.А. Фета образы жизненного пути, гостеприимного дома, сердечной печали. Авторами выявлены отличия в восприятии А.А. Фетом и К.К. Павловой отдельных нюансов художественного описания, вызванные индивидуально-авторскими особенностями.

The article gives comparative analysis of A.A. Fet's poem "I am going afar by my way..." and its first translation into German made by K.K. Pavlova in 1845. It points out that the German translation preserves the original character system, presents the meaningful for A.A. Fet images of life ways, a hospitable house, heart grief. The authors find out the differences in A.A. Fet's and K.K. Pavlova's perception of distinct nuances of literary description caused by their individual peculiarities.

Ключевые слова: А.А. Фет, русско-немецкие литературные связи, поэзия, художественный перевод, компаративистика, межкультурная коммуникация, художественная деталь.

Key words: A.A. Fet, Russian and German literary connections, poetry, literary translation, comparativistics, intercultural communication, literary detail.

В 1845 г. К.К. Павлова обратилась к интерпретации только что написанного стихотворения А.А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...» – “Ich ziehe fort auf meinen Wegen...”, причем это обращение было обусловлено обстоятельствами личного характера, прежде всего, знакомством и дружескими отношениями с поэтом. В осуществлении перевода Павловой помог молодой немецкий литератор Вильгельм Вольфсон, в тот год побывавший в Петербурге и Москве для установления и развития дружеских отношений с русскими литераторами и журналистами и активно печатавший на страницах «Отечественных записок» библиографические обзоры новинок немецкой и французской литературы [см.: 5, с. 32].

Известно, что Фет в студенческие годы часто общался с Павловой. Став в возрасте двадцати лет автором первого поэтического сборника «Лирический пантеон» (1840), Фет, прежде вовсе не печатавшийся, обрел определенную известность как лирик, обратившийся к теме «холодного разочарования» (кстати, не свойственной его поэзии последующего времени), начал участвовать в творческой жизни Москвы, посещая литературные салоны, в том числе и салон Павловой, советами которой он особенно дорожил: «Я всегда старал-

¹ Статья подготовлена по проекту НК-583(3)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению "Филологические науки и искусствоведение"», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.1 «Проведение научных исследований группами под руководством докторов наук» мероприятия 1.2 «Проведение научных исследований группами под руководством докторов наук и кандидатов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы» (госконтракт ПЗ79 от 07.05.2010).

ся прийти к Каролине Карловне Павловой пока в кабинете не появлялось сторонних гостей. Тогда по просьбе моей она мне читала свое последнее стихотворение, и я с наслаждением выслушивал ее одобрение моему» [3, с. 695]. Критические замечания и пожелания хозяйки салона на Сретенском бульваре были для молодого поэта своеобразной литературной школой, причем одобрительное восприятие многих завершенных, доработанных произведений неизменно приводило к их публикации.

Создание стихотворения «Я вдаль иду моей дорогой...» в апреле 1845 г. (опубликовано в № 5 «Отечественных записок» за тот же год) связано с новым этапом жизни Фета – пребыванием в Новой Праге, посаде Александрийского уезда Херсонской губернии, где тянулись тусклые годы военной службы, необходимой поэту для возврата утраченного «господского» положения. «Военная служба была в то время наиболее легким путем в дворянство. И вот молодой поэт, песни которого уже пелись в самых дальних углах России, поступает унтером в захудалый полк – кирасирский орденский, размещенный по глухим углам Херсонской губернии, годами живет без книг и журналов, без всяких литературных советников, всегда так необходимых Фету, вне круга людей, способных поддерживать в нем литературные интересы и дарования» [1, с. VII].

Несмотря на все затруднения, связанные с жизнью в херсонской глуши, отдаленностью от литературного мира, стихотворение, созданное Фетом, характеризуется поэтической силой, заключающейся в гармонии формы и содержания. Из уст лирического героя звучит благодарность людям, добродушно принявшим его под своим кровом, давшим возможность вновь испытать сильные чувства, волнение, внутреннюю дрожь, ощутить новый жар в груди («<...> новой силой, новым жаром / Опять затрепетала грудь» [6, с. 427]). Внутренний трепет лирического героя Фета представлен у Павловой как наполненность новыми чувствами, эмоциями, раскрытыми, однако, в несколько сглаженной тональности: “Wo meine Brust in neuen Flammen, / In neuer Kräfte Regung schwol” [7, S. 66] [Где моя грудь в новом огне, / С новой силой наполнилась чувством]. Если автор обращает внимание на то, что эмоциональный подъем у лирического героя был неоднократным (для этого используется лексема «опять»), то переводчица опускает этот нюанс описания, тем самым частично изменяя смысловой подтекст стихов.

В стихотворении Фета использованы словосочетания *путь мой, моей дорогой* («Я вдаль иду моей дорогой / <...> / Ведет ли путь мой горной цепью» [6, с. 427]), которые в общем контексте описания имеют значение передвижения куда-либо, поездки, путешествия; в переводе Павловой вместо «дороги», воспринимаемой в более традиционном значении («полоса земли, служащая для езды и ходьбы» [4, т. 1, с. 432]), появляется несколько более высокий образ «тропы» как «пути, протоптанного людьми или животными» [4, т. 3, с. 415]: “Ich ziehe fort auf meinen Wegen, / <...> / Mag ich auf steilen Pfaden schreiten” [7, S. 65–66] [Я иду прочь по моему пути, / <...> / Если бы я мог по отвесной тропе шагать].

В оригинальном тексте упоминается о тепле, жаре, становящихся носителями чувственной радости, побуждающих к приливу поэтических сил, дарящих наслаждение и в итоге приводящих поэта к блаженному слиянию с помещицкой усадебной жизнью, в которой не только зрение и слух, но и обоняние и осязание несут человеку постижение мира, бурную радость, переходящую в поэтический экстаз: «Спасибо ж тем, под чьим приютом / Мне было

радостней, теплей, / <...> / Где новой силой, новым жаром / Опять затрепетала грудь» [6, с. 427]. Представляя Фета певцом усадебных наслаждений, нельзя, однако, забывать, что его поэзия в целом все-таки не бытовая, она, по наблюдению Б.Я. Бухштаба, «не настолько связана с определенным бытом, чтобы эти связи играли в ней заметную роль» [2, с. 53].

Если в тексте подлинника Фетом использована лексема «приют», то в немецкой интерпретации Павловой употреблены словосочетания «каждое место», «каждый приветливый круг»: “Dank jedem Ort aus Herzensgrunde, / Und jedem trauten Kreise Dank” [7, S. 66] [Спасибо каждому месту от всего сердца, / И каждому приветливому кругу спасибо]; следовательно, слова благодарности в тексте перевода относятся ко всем местам, где автор жил и которые видел, проезжая, и ко всем приветливым людям, которыми он был когда-то окружен. Как видим, переводчицей не совсем точно интерпретированы автобиографические факты, ставшие содержательной основой фетовских стихов. На фоне жизни среди общей невзрачной массы провинциальных офицеров и помещиков для поэта обрелась особую ценность общение в нескольких помещичьих домах Херсонской губернии, где ценили его творчество, принимали на должном уровне, давая возможность окунуться в атмосферу культурных интересов. Фет благодарит именно тех людей, у которых он гостил, радостно проводил время из «урны жизненной» своей, благодарит за предоставленное ему душевное пристанище, прибежище, за приют, в котором душа могла на какое-то время укрыться от жизненных невзгод. Наиболее близкие Фету в новопражский период поэт А.Ф. Бржеский и его жена А.Л. Бржеская остались в круге фетовского общения на долгие годы; А.Л. Бржеской посвящен ряд стихотворений Фета («Я вам пророчил поклоненье...» (1847), «Далекий друг, пойми мои рыдания...» (1879), «Нет, лучше голосом ласкательно обычным...» (1879), «Опять весна! опять дрожат листы...» (1879), «Хоть строчкой, бедная подруга...» (1881)).

В немецкой интерпретации посредством увеличения временного интервала испития жизни из чаши подчеркнута размеренность усадебного мира, не соответствовавшая внутренним устремлениям переводчицы, видевшей в усадебном мире прежде всего праздность, приверженность помещичьим утехам: “Wo ich minutenschnell die Stunde / Aus meines Lebens Urne trank” [7, S. 66] [Где я быстрые минуты часами / Из моей урны жизни пил]; вместе с тем удачно сохранен использованный Фетом («Где время пил я по минутам / Из урны жизненной моей» [6, с. 427]) образ урны как сосуда, вазы, вмещающей в себя содержимое человеческой жизни.

Тенденция к эстетизации описания усилена у Фета использованием условно-поэтических эпитетов («сердечною», «доброй», «перелетной», «вольной», «близких»), соотносимых с явлениями действительности, а также наделенных нарочитой красотой сравнений (сердечная печаль – «добрая проводница», «перелетная, вольная птица», «бродячая»), отчасти сохраненных и в немецком переводе: «Она-то доброй проводницей / Со мною об руку идет / И перелетной, вольной птицей / Мне песни новые поет. / <...> / Везде, бродячая, вольна» [6, с. 427] – “Es führt mich liebend hin und wieder, / Geht Hand in Hand mit mir dahin, / Und singt mir neue, freie Lieder, / Den Vögeln gleich, die wandernd ziehn. / <...> / Irrt frei wie dieses dort und hier” [7, S. 66] [Ведет меня, любя, время от времени, / Идет рука об руку со мной / И поет мне новые, свободные песни, / Словно птицы, которые летят странствуя. / <...> / Блуждает свободная, как тот, тут и там]. У Павловой можно видеть оригинальное сравнение сердечной печали с

неопределенным вольным субъектом, в полной мере характеризующее свободу сердечных тревог и печалей («свободная, как тот»).

При осмыслении стихотворения русского поэта Павловой введены метафорические словосочетания *сердечная тревога – сердца неукротимый дождь, сердечная печаль – сердца непобедимая боль*, что привело к лексико-семантическим изменениям. Если в оригинальном тексте сообщается о чувстве грусти и скорби, душевной горечи, живущей в сердце героя, то в немецкой интерпретации Павловой используется лексема *das Weh* («боль»), акцентирующая ощущение физического и нравственного страдания. Нравственное мучение, испытываемое фетовским героем, предстает у переводчицы непобедимой сердечной мукой, не излечивающейся ни путешествиями по родным просторам, ни посещением усадебных поместий гостеприимных знакомых.

В немецком переводе Павловой присутствует большое количество лексем (в особенности существительных), образованных словосложением (*die Wolkennähe* («близь облаков»), *das Machtgebote* («властный приказ»), *der Gastfreunds* («дружественно-гостеприимный»), *der Herzengrunde* («все сердце»), *minutenschnell* («быстрые минуты»), *der Spielmann* («музыкант») и др.), что отчетливо свидетельствует о продуктивности в языке перевода словосложения как способа образования новых слов.

Используя отсутствующую в подлиннике Фета лексему *schreiten* («шагать») (“*Mag ich auf steilen Pfaden schreiten, / <...> / Durchmessen öde Steppenweiten*” [7, S. 66] [Я могу по отвесной тропе шагать, / <...> / Измерять пустынные степные дали], Павлова подчеркивает особенности передвижения лирического героя, останавливаясь на самом «медленном» из возможных вариантов, что, очевидно, соотносится с образом человеческой жизни, испиваемой часами (а не минутами, как у Фета). Мотив времени, выраженный как скрыто, так и явно, в итоге становится доминирующим в семантическом аспекте немецкой интерпретации (“*Es führt mich liebend hin und wieder*” [7, S. 66] [Ведет меня, любя, время от времени]), что не соответствует фетовскому замыслу.

При помощи эпитета *öder* («пустынный») Павлова отмечает как пустоту мира, в котором нет людей, живых существ, так и безлюдность мест, по которым вела лирического героя сердечная печаль: “*Durchmessen öde Steppenweiten, / <...> / Auf öder Heide singt’s mit mir*” [7, S. 66] [Измеряя пустынные дали шагами, / <...> / В пустынный бор со мною петь]; всего этого нет в русском оригинале: «Иль в дальний край широкой степью, / <...> / Как на степи, со мной она» [6, с. 427]. У Павловой герой подчеркнуто сторонится людей, бежит от гостеприимных друзей в пустынные места, замыкается на тревогах своего сердца: “*Es folgt des Herzens Machtgebote, / Irrt frei wie dieses dort und hier – / An Gastfreunds Tisch, bei Salz und Brote, / Auf öder Heide singt’s mit mir!*” [7, S. 66] [Следуя властному приказу сердца, / Блуждает свободная, как тот, тут и там – / От дружественно-гостеприимного стола, с солью и хлебом, / В пустынный бор со мною петь!]. Акцентированная Павловой тема власти чувств над человеком прослеживается и в подлиннике Фета («Покорна сердца своеволью, / Везде, бродячая, вольна» [6, с. 427]), где преобладание чувств над разумом оказывается первопричиной путешествий лирического героя, преодолевающего трудности, встречающиеся на пути, указанном сердцем.

Заменяя характеризующий печаль героя эпитет «бродячая» на «frei» («свободная»), переводчица смещает акценты в описании, говоря не об отсутствии постоянного пристанища для чувства героя и для него самого, вынужденного передвигаться с места на место, странствовать, а о независимости чув-

ства, располагающего собою по собственному усмотрению и не знающего, не терпящего каких-либо преград. Замыкаясь в собственном эмоциональном мире, герой в интерпретации Павловой идет в пустынные места, чтобы более познать себя, раскрыть причину своей печали, которая, не зная ограничений, полностью захватывает его. При этом использованная Павловой в первом стихе перевода лексема “fort” («прочь») (“Ich ziehe fort auf meinen Wegen” [7, S. 65] [Я иду прочь по моему пути]) предполагает движение в сторону от места; тем самым подтверждается мысль о том, что сердечная печаль у переводчицы не «бродячая», а «путешествующая», причем есть место, становящееся точкой отсчета для странствия, своего рода постоянное местонахождение, временно оставленное героем-путешественником. Характерно, что в последней строфе у Павловой появляется образ странствия, традиционно трактуемого как «поездка или передвижение пешком куда-либо далеко за пределы постоянного местожительства» [4, т. 4, с. 281–282]: “Ihr Wandern schien nicht mühevoll!” [7, S. 66] [Их странствие казалось не трудным!].

Задача переводчицы была усложнена использованием в оригинальном тексте слов с устаревшим значением, традиционно-поэтических лексем, таких, как «кров» (устар.) – «крыша» [4, т. 2, с. 141], «гусяр», «риза» (трад.-поэт.) – «одежда, одеяние» [4, т. 3, с. 717]: «Иль под гостеприимный кров, – / <...> / Где музе-страннице с гусяром / <...> / Под ризой близких облаков» [6, с. 427]. Не найдя лексико-семантического соответствия этим словам, переводчица вынуждена была ввести лексемы “Haus” («дом»), “Spielmann” («музыкант»), что привело к незначительным изменениям смыслового плана: “Dem gastlich-off nen Hause nah`n; / <...> / Wo Mus` und Spielmann, treu beisammen, / <...> / In Wolkennähe, berghinan” [7, S. 66] [К гостеприимному дому приближаясь; / <...> / Где муза и музыкант верно вместе, / <...> / Вблизи облаков, вверх по горам].

Особенностью интерпретации Павловой стало расширение глагольного ряда, придавшее художественной интерпретации динамичность: *ziehe* («иду»), *führt* («ведет»), *geht* («идет»), *singt* («поет»), *mag* («могу»), *schreiten* («шагать»), *irrt* («блуждает»), *singen* («петь»), *trank* («пил»), *schwol* («наполнилась»); усилению динамичности способствовало и использование переводчицей значительного количества деепричастий: *liebend* («любя»), *wandernd* («странствуя»), *nah`n* («приближаясь»), *folgt* («следуя»).

Несмотря на ряд закономерных содержательных расхождений с подлинником Фета, нельзя не признать, что переводчицей сохранена внутренняя атмосфера оригинального текста, точно переданы его формальные особенности, что в целом обусловлено взглядами Павловой на «точность» в переводе как «точность» в передаче мысли, формы, стихотворного размера подлинника, равномерное приближение к «энергии настроения» оригинала, гармоничное слияние идеи и формы при воссоздании «чужого» текста.

Список литературы

1. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет / Б. Я. Бухштаб // Фет А. А. Полное собрание стихотворений. – Л. : Советский писатель, 1937. – С. V–XXV.
2. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет / Б. Я. Бухштаб // Фет А. А. Полное собрание стихотворений. – Л. : Советский писатель, 1959. – С. 5–78.
3. Решетилова И. Княгиня русского стиха / И. Решетилова // Чистые пруды. – М. : Московский рабочий, 1989. – С. 674–713.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1–4.

5. Файнштейн М. Ш. «Меня вы называли поэтом...»: Жизнь и литературное творчество К.К. Павловой в ретроспективе времени / М. Ш. Файнштейн. – Fichtenwalde : Göpfert, 2002. – 179 с.

6. Фет А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Фет. – Л. : Советский писатель, 1959.

7. Pavlova K. Das deutsche Werk : In 3 Bd. / K. Pavlova ; Hrsg. von Frank Göpfert. – Rosenweg : Göpfert, 1994. – Bd. 1. – 218 S.

ТРАДИЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО РЕАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ (пургаментарные образы)

Е.Е. Завьялова

В статье прослеживается связь между пургаментарными образами, которые описаны в романе Ж. Жанена «Мертвый осел и гильотинированная женщина», в повести О. де Бальзака «Гобсек» и в произведениях Н.В. Гоголя. Обосновывается мысль о том, что интерес к «бесконечно малому» является следствием установки на «дегенеративное», «научное» воспроизведение действительности. Показывается, как в художественной картине мира прославленных писателей сознательно экстрагируются «мусорность» и «грязность». Делается вывод о несомненном воздействии на русского писателя эстетики французского реализма.

In the article connection is traced between purgamentar characters which are described in a novel of J. Janin “The Dead Donkey and the Guillotined Woman”, in the story of H. de Balzac “Gobsek” and in works of N.V. Gogol. An idea is grounded about that interest in “infinitely small” is investigation of setting on the “degenerative”, “scientific” reproducing of reality. Shown, as “garbageness” and “dirtytness” is consciously extracted in the artistic picture of the world of the glorified writers. Drawn conclusion about the undoubted affecting the Russian writer of aesthetics of the French realism.

Ключевые слова: пургаментарные образы, категория нечистоты, французский реализм, влияние, типологические соответствия.

Key words: purgamentar characters, category of impurity, French realism, influence, typology accordances.

Существует большое количество работ, посвященных теме воздействия западноевропейской традиции на творчество Н.В. Гоголя. Еще в начале XX в. Г.И. Чудаковым составлен список художественных произведений, которые доподлинно были известны писателю, и перечень тех текстов, которые могли быть им прочитаны [21]. Обстоятельно проанализированы связи писателя с немецкой преромантической и романтической литературой (Ф. фон Шиллер, В.Г. Вакенродер, Л. Тик, Э.Т.А. Гофман) [16; 17; 23]; менее детально – с английской (прежде всего, с произведениями Д.Г. Байрона и Ч.Р. Метьюрина) [9].

О близости поэтики гоголевских сочинений к французской прозе говорилось главным образом тогда, когда речь велась о магистральной реалистической линии в литературном процессе Европы [8; 9; 15; 19]. В большей степени исследователей интересовали типологические соответствия, основанные на сходстве мировоззренческих позиций, изображаемых явлений жизни, ху-